
ПИСЬМО
О ПРАВИЛАХЪ

РОССІЙСКАГО СТИХОТВОРСТВА (*)

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

О да, кошую Вашему разсужденію зручитьъ нынѣ вы-
сокую честь имѣю, ни что иное есть, какъ только
превеликія оныя радости плодъ, кошую не побѣди-
мѣйшія наша МОНАРХИИ преслабая надъ непріятелями
побѣда, въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбу-
дила. Моя дерзость, васъ неискуснымъ перомъ усру-
ждашь, только ошь усердныя къ отечеству и его слову
любви происходятъ. Подлинно, что для скудости къ
сему предпріятію моихъ силъ, лучше бы мнѣ молчать
было. Однако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣ-
ніе къ распространенію и исправленію Россійскаго языка,
и мое въ сѣмъ искусство и въ Россійскомъ Стихотвор-
ствѣ недовольную способность извинить, а доброе мое
намѣреніе за благо приметъ, дерзнулъ наимаѣйшій сей
мой трудъ, купно со слѣдующимъ о нашей *Вирсификаціи*
вообще разсужденіемъ, вашему предложить искусство.

• 2 •

Не

(*) Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ письма сего видно, что Авторъ писалъ
его въ скорости по сочиненіи оды на побѣду надъ Турками и Та-
шарами, шо есть 1739 года.

Не пристрастїе меня къ сему понудило, чшобы большее искусство имѣющихъ правила давань: но искренное усердіе засшавило ошъ васъ самихъ научиться, правдивы ли оныя мнѣнїя, что я о нашемъ стихосложенїи имѣю, и по кошорымъ до нынѣ стихи сочиняя, поступаю. И шпакъ, начиная оное Вамъ, Мои Господа, предлагашь, прежде крашко объявляю, на какихъ я основанїяхъ оныя ушверждаю.

Первое и главнѣйшее мнѣ кажется бышь сїе: Россійскїе стихи надлежишь сочиняшь по природному нашего языка свойству; а шого, что ему весьма не свойшвенно, изъ другихъ языковъ не вносишь.

Второе, чѣмъ Россійской языкъ изобилень, и что въ немъ къ Версификаціи угодно и способно, шого, смощря на скудость другой какой нибудь рѣчи, или на небреженїе въ оной находящихъ стихотворцевъ, не опшнмать; но какъ собственное и природное употребляшь надлежишь.

Третье: понеже наше стихотворство шолько лишь начинаешся; шого ради чшобы ничего нешуднаго не ввести, а хорошаго не оставишь, надобно смощрѣшь, кому и въ чемъ лучше послѣдовашъ.

На сихъ шрехъ основанїяхъ ушверждаю я слѣдующїя правила:

Первое: въ Россійскомъ языкѣ шѣ шолько слогш долги, надъ кошорыми шшощишь сила, а прочїе всѣ корощки. Сїе самое природное произношенїе намъ очень легко показывашшь. Того ради со всѣмъ худо, и свойству Славенскаго языка,

языка, кошорой съ нынѣшнимъ нашимъ не много разнишя, прошивно учинилъ Смощрицкѣй, когда онъ е, о, за корощкѣя, а, і, v, за общѣя; и, ѣ, ѡ, съ нѣкошорыми двугласными и со всѣми гласными, что предъ двумя или многими согласными спощяшъ, за долгѣя почель. Его, какъ изъ перваго параграфа его просодѣи видно, обманула Машеа Сщриковская Сармашская Хронологѣя, или онъ можешъ бышъ, на сихъ Овидѣевыхъ сщихахъ ушверждался: de Ponto Lib. IV. Eleg. 13.

*Ab pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare tibi, coepique poetae
Inter inhumanos nomen habere Getas.*

Ежели Овидѣй, будучи въ сщылкѣ въ Томахъ, стариннымъ Славенскимъ, или Болгарскимъ, или Сармашскимъ языкомъ сщихи на Лашинскую спощь писалъ; шо опкуду Славенскѣя Грамашики Авшору на умъ пришло, долгосщъ и крашкосщъ слоговъ со всѣмъ Греческую, а не Лашинскую привяшъ, не вижу. И хотя Овидѣй въ своихъ сщихахъ, по обыкновенѣю Лашинскихъ сщихощворцевъ, спощы, и, сколько изъ сего Гексаметра,

*Materiam quaeris? de Cesare dixi,
ibidem.*

Заключощъ можно, двосложные и шросложные въ героическомъ своемъ поэмашѣ употребляль: однако шоль высокаго разума пѣша, не надѣюсь что шакъ погрѣшилъ, чтошбы ему долгосщъ и крашкосщъ слоговъ, Лашинскому, или Греческому языку свойшвенную, въ оные сщихи ввещи, кошорые онъ на чужомъ и весьма особли-

особливомъ языкѣ писалъ. И ежели древней оной языкѣ ошъ нынѣшняго нашего не очень былъ различенъ: по употреблялъ оспроумный пошъ стихотворецъ въ стихахъ своихъ не инья, какъ полько шѣ за долгіе слогъ, на которыхъ акцентъ спойшъ, а прочіе всѣ за крапкѣ. Слѣдовашельно Гексаметры, употребляя вмѣсто Сpondeвъ для ихъ малости Хорей, шѣмъ же образомъ писалъ, копорымъ слѣдующія Россійскія сочинены:

Щаслива красна была весна, все лѣшо пріятно.
Только мушился песокъ, лишь бѣлая пѣна кипѣла.

А Пеншаметры:

Какъ обличаешь, смонри больше свои на дѣла.
Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся того подопнушь.

А не пакъ, какъ Славенскія Грамматики Авшоръ:

Сармашски новорастныя музы спону перву
Тщашуюся Парнасѣ въ обидель вѣчну заяши,
Христе Царю пріими, и благоволивѣ шебѣ съ ошдемѣ и проч.

Сіи стихи коль Славенскаго языка свойству прошивны, всякъ видѣшь можешъ, кто оной разумѣшъ. Однако не могу я и оныхъ симъ предпочипашъ, въ копорыхъ всѣ односложныя слова за долгія почипашъ. Причина сего всякому Россійнину извѣстна. Кто будешъ прощипашъ единосложныя союзы и многіе во многихъ случаяхъ предлоги? Самыя имена, мѣстоименія, и нарѣчія, споя при другихъ словахъ, свою силу шеряюшъ. Напримѣръ: за спо лѣшъ; подъ мостъ упалъ; ревешъ какъ Левъ. Чшо ты знаешъ? По оному Королларію, въ копоромъ сіе правило щасливо предложено, сочиненныя

ныя стихи , хоша бытъ Гексаметрами, въ испше и изрядные, изъ Анапестовъ и Хореевъ состояще, Пеншаметры попали, на примѣръ :

Не возможно сердцу, ахъ! не имѣшь печали.

По моему мнѣнію, наши единосложныя слова, иныя всегда долги, какъ : Богъ, Храмы, свящъ : иныя крапки, на примѣръ союзы : же, да, и ; а иныя иногда крапки, иногда долги ; на примѣръ : на морѣ, по году, на волю, по горѣ.

Второе правило : во всѣхъ Россійскихъ правильныхъ стихахъ, долгихъ и короткихъ надлежишь нашему языку свойственныя стопы опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя, употреблять. Оныя каковы бытъ должны, свойство въ нашемъ языкѣ находящихся словъ оному учить. Доброхотная природа какъ во всемъ, такъ и въ оныхъ, довольное Россіи дала изобиліе. Въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство ; такъ что въ наши стихи безъ всякаго нужды двосложныя и просложныя стопы внести, и въ шомъ Грекамъ, Римлянамъ, Нѣмцамъ, и другимъ народамъ, въ Версификаціи правильно поступающимъ, послѣдовать можемъ. Не знаю, чего бы ради иного наши Гексаметры, и всѣ другіе стихи, съ одной стороны такъ запереть, чтобы они ни больше, ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли ; а съ другой такую волю дать, чтобы вмѣсто хореевъ свободно было положишь Ямба, Пиррихія, и Спендея ; а слѣдовательно, и всякую прозу стихомъ называть, какъ

какъ шолько развѣ послѣдуя на Риемы кончащимся Польскимъ и Французскимъ спрочкамъ? Неосновательное оное употребленіе, которое въ Московскія школы изъ Польши принесено, никакого нашему стихосложенію закона и правилъ дать не можетъ. Какъ онымъ стихамъ послѣдовать, о которыхъ правильномъ порядкѣ шѣхъ же шворцы не радѣють? Французы, которые во всемъ хошяшъ натурально поступашъ, однако почти всегда прошивно свосму намѣренію чиняшъ, намъ въ шомъ, что до шпошъ надлежишъ, примѣромъ бышъ не могушъ: понеже, надѣяся на свою Фаншазію, а не на правила, шоль криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеиваюшъ, что ни прозой, ни стихами назвашъ не лзя. И хошя они такъ же, какъ и Нѣмцы, могли бы шпоны употребляшъ, что сама природа иногда имъ въ рошъ кладешъ, какъ видно въ первой шпрофѣ оды, которую Боалло Детро на задачу Намура сочинилъ:

*Quelle docte et sainte yvesse,
Aujourd'hui me fait la loi?
C'estes Nympbes du permesse etc.*

Однако нѣжные шѣ господа на шпо не смотря, почти одиѣми риемами себя довольствуюшъ. Присшойнымъ весьма символомъ Французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на шеспрѣ подѣ видомъ нѣкоторыя женщины, что сугорбившися и раскарячившися при музыкѣ играющаго на скрипикѣ Сашира шандуетъ. Я не могу довольно о шомъ нарадовашъся, что Россійскій нашъ языкъ не шолько бодростію и героическимъ звономъ Греческому, Лашинскому и Нѣмецкому не уступаешъ; но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную

Слвенную Версификацію имѣть можетъ. Сіе шоль долго пренебреженное счасіе, чшобы совсѣмъ въ забвеніи не ошалось, умыслилъ я наши прѣвильные стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ соспаваяшь, и опъ шѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ шрехъ языкахъ обыкновенно, онымъ имена дашь.

Первой родъ стиховъ называю *Ямбическимъ*, которой изъ однѣхъ шолько *Ямбовъ* соспоишь :

° — ° — ° — ° —
Бѣлѣшь Будшо снѣгъ лицомъ.

Вшорой *Анапестическимъ*, въ которомъ шолько однѣ Анапесты находящяся :

° ° — , ° ° — , ° ° — , ° ° —
Начертанъ многокрашно въ бѣгущихъ волнахъ.

Трешій изъ *Ямбовъ* и *Анапестовъ* смѣшаннымъ, въ которомъ по нуждѣ, или произволенію, соспавлены бышь могутъ, какъ случишся.

° — , ° ° — , ° — , ° —
Во нищу себѣ червей хваташь.

Чешвершій *Хорейскимъ*, чшо одни Хореи соспавляюшь :

— ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° —
Свѣшь мой, знаю, чшо пылаешь.
— ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° —
Мнѣ моя не служишь доля.

Пяшой *Дактилическимъ*, которой изъ единыхъ шолько Дактилей соспоишь :

— ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° — ° ° —
Вьенся кругами змѣя по правѣ обновившись въ
(разсѣлишь.
Шештой

Шестой изъ Хореевъ и Дактилей смѣшаннымъ, гдѣ по нуждѣ, или по изволенію, шу и другую употребляшь можно сподру.

— ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — °
Ежели боишея, кшо не сналь бы силенъ безмѣрно.

Симъ образомъ расположивъ правильные наши стихи, нахожу шесть родовъ Гексаметровъ, столькожъ родовъ Пентаметровъ, Тетраметровъ, Триметровъ и Дилетровъ, а слѣдовашельно всѣхъ трищцасть родовъ.

Неправильными и вольными стихами шѣ называю, въ кошорыхъ вмѣсто Ямба, или Хорея можно Пиррихія положишь. Оныя стихи употребляю я только въ пѣсняхъ, гдѣ всегда опредѣленное число слоговъ быть надлежишь. Напримѣръ, въ семь стихѣ вмѣсто Ямба Пиррихій положень :

— ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — °
двѣшы румянецъ умножайше.

А здѣсь вмѣсто Хорея :

— ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — ° — °
Солнева сестра забыла.

Хорея вмѣсто Ямба, и Ямба вмѣсто Хорея въ вольныхъ стихахъ употребляю я очень рѣдко, да и по ради необходимыхъ нужды, или великія скороспи : понеже они совсѣмъ другъ другу прошивны.

Что до *Цезуры* надлежишь, оную, какъ мнѣ видишь, въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ употребляшь и оставляшь можно. Долженствуетъ ли она въ нашемъ Гексаметрѣ для одного только ошдыху быть неопшѣнно, то можешь разсудишь всякъ по своей силѣ.

Тому

Тому въ своихъ стихахъ оную всегда оставишь позволено, кто однимъ духомъ принашцати слоговъ прочишашь не можешъ. За наилучшія, велелѣпнѣйшія, и къ сочиненію легчайшія, во всѣхъ случаяхъ скоростъ и шихостъ дѣйствія и состоянія всякаго приспастія изобразишь наиспособнѣйшія, оныя стихи почишаю, которые изъ Анапестовъ и Хореевъ состояшъ.

Чисныя ямбическіе стихи хопя и трудновато сочиняшъ; однако поднимаяся шихо въ верхъ, машеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употребляшъ, какъ въ торжественныхъ одахъ, что я въ моеи нынѣшней и учинилъ. Очень также способны и падающіе, или изъ Хореевъ и Дакхилеевъ составленные, стихи, къ изображенію крѣпкихъ и слабыхъ аффектовъ, скорыхъ и шихихъ дѣйствій, бышь видятся. Примѣръ скорого и яраго дѣйствія:

Брѣвна кашайше на верхѣ, каменя и горы валише, лѣсъ бросайше, живучей выжавъ духъ, задавише.

Прощіе роды стиховъ, разсуждая состояніе и важность машеріи, такъ же очень пристойно употребляшъ можно, о чемъ подробно упоминашъ для краткости времени оставляю.

Трешіе Россійскіе стихи красно и свойственно на мужескія, женскія, и три литеры гласныя въ себѣ имѣющія Ріемы, подобныя Италіанскимъ, могутъ кончиться. Хопя до сего времени только однѣ женскія Ріемы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужескія,

и отъ прешяго слога начинающіяся, заказаны; однако ссей заказъ шоль праведень, и нашей Версификаціи такъ свойственъ и природень, какъ, ежели бы кшо обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакашь велѣлъ. Оное правило начало свое имѣеть, какъ видно, въ Польшѣ, откуда пришедъ въ Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновенію шакъ мало можно послѣдовашъ, какъ самимъ Польскимъ Риемамъ, которыя не могушь иными бышь, какъ шолько женскими: понеже всѣ Польскія слова, выключая нѣкоторыя односложныя, силу на предкончаемомъ слогѣ имѣюшь. Въ нашемъ языкѣ шоль же довольно на послѣднемъ и прешіемъ, коль надъ предкончаемомъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находишь: то для чего намъ оное богатство пренебрегашь, безъ всякія причины самовольную нищету терпѣшь, и шолько однѣми женскими побрякивашъ, а мужескимъ бодрость и силу шригласныхъ усшремленіе и вышосу оставляшь? Причины шому ни какой не вижу, для чего бы мужескія Риемы шоль смѣшны и подлы были, что бы ихъ шолько въ Комическомъ и Саширическомъ сшихѣ, да и шо еще рѣдко, упошребляшь можно было? и чѣмъ бы святѣ сїи женскія Риемы: *красовуляхѣ, ходуляхѣ*, слѣдующихъ мужескихъ, *востокѣ, высокѣ*, были? по моему мнѣнію, подлостъ Риемовъ не въ шомъ сошоишь, что они больше или меньше слоговъ имѣюшь; но что оныхъ слова подлое или простое что значашъ.

Четвертое: Россійскіе стихи шакже къ спаши красно и свойственно сочиновашься могушь, какъ и Нѣмецкіе.
Понеже

Понеже мы мужескія, женскія, и тригласныя Рiemы имѣть можемъ; то услаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна, оныя межъ собою перемѣшивать приспойно велишь; что я почти во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто однѣ женскія Рiemы употребляетъ, сочетание и перемѣшка стиховъ спранны кажутся; однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное столь же пріятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Ни когда бы мужеская Рiема передъ женскою не показалася, какъ дряхлой, черной и девяносто лѣтъ старой арапъ, передъ наипоклоняемою, наинѣжною, и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею Европейскою красавицею.

Здѣсь предлагаю я нѣкошорыя стрóфы изъ моихъ стиховъ, въ примѣръ стопъ и сочетанія. Тетраметръ изъ Анапестовъ и Ямбовъ сложенные.

На восходѣ солнце какъ зардися,
 Вылешаешь вспылчиво хищный всхокъ;
 Глаза кровавы, самъ вершишься;
 Удара не сносишь Сѣверъ въ бокъ,
 Господство даешь своему побѣдишелю
 Пресильныхъ водъ морскихъ возбудишелю,
 Свои шопъ зыби на прежни возводишь,
 Являешь полность силы своей,
 Что южной страной владѣешь всей,
 Индѣйски быстро острова проходишь,

Вольные всшавающіе Тетраметръ:

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
 Однако съ нимъ любовь моя.
 Хошь я не самъ шоя причина,
 Люблю Миршилла, какъ себя.

Воль

Вольные падающіе Тетраметрны:

Нимфы околѣ насѣ кругами
Танцовали поючи,
Всплескивающи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привѣчали,
И цвѣтами насѣ вѣнчали.

Ямбическіе Триметры:

Весна шепло ведешѣ,
Пріятной Западѣ вѣшѣ,
Всю землю солнце грѣшѣ;
Вѣ моемѣ лишь сердцѣ ледѣ,
Трусшѣ прочѣ забавы бѣшѣ.

Но, мои господа, опасаяся, чшобы не важнымѣ симѣ моимѣ писмомѣ вамѣ очень долго не наскучишѣ, съ покорнымѣ прошеніемѣ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя о *Россійской Версификаціи мнѣнія* нашему языку несвойственны и непристойны, меня извинишѣ. Не съ инымѣ коимѣ намѣреніемѣ я сіе учинишѣ дерзнулѣ, какѣ шолько, чшобы оныхѣ благосклонное исправленіе, или безпристрастное подкрѣпленіе, для большаго къ Поэзіи поощренія, ошѣ васѣ получишѣ. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюсь

ПОЧТЕННѢЙШІЯ ГОСПОДА!

Вашѣ покорнѣйшій слуга

Михайло Ломоносовѣ.

О Д Ы